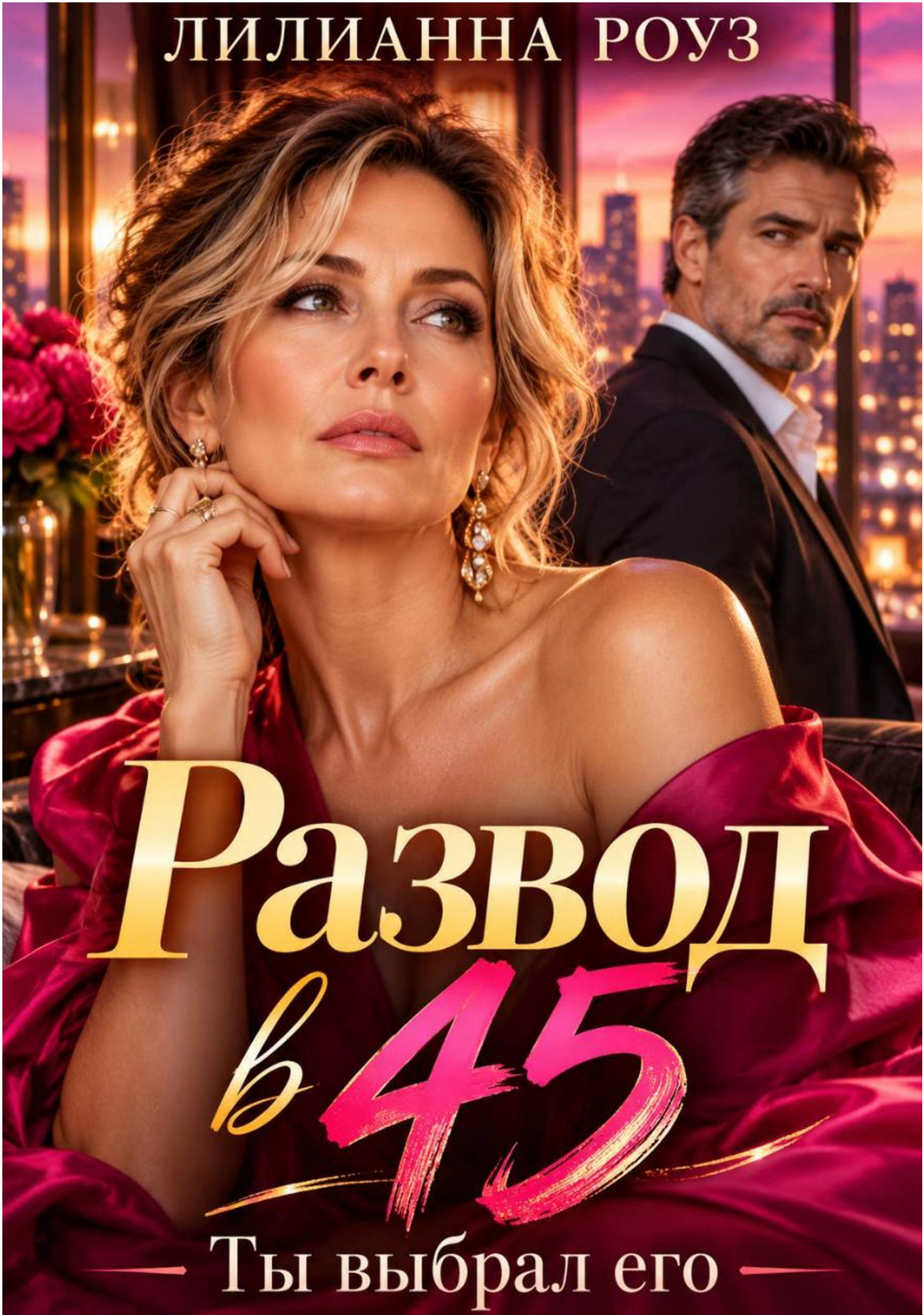
ЛИЛИАННА РОУЗ

Развод в 45

Ты выбрал его

Лилианна Роуз

Развод в 45. Ты выбрал его

«Автор»
2026

Роуз Л.

Развод в 45. Ты выбрал его / Л. Роуз — «Автор», 2026

После измены я ушла от мужа и продала ему свою долю в нашей фирме. В сорок пять начала все заново. А мужчина, с которым я снова почувствовала себя любимой, каждое утро идет работать к моему бывшему.Рядом с Виктором я смеюсь, строю планы и жду следующей встречи. Но однажды, увидев коллег, он отпускает мою руку и делает вид, будто мы случайно встретились.Он признает свою ложь и перестает нас скрывать. Только в прежней жизни остаются не один Олег, но и наши общие друзья, годы работы, люди, которых я считала своими. Виктор не собирается от них отказываться.Я так хочу быть с ним. Но почему каждый его шаг к прежнему кругу кажется шагом от меня? И что я потеряю, если потребую выбрать только меня?

© Роуз Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний рабочий день 5
Глава 2. Комната без вывески 9
Глава 3. Не по работе 12
Глава 4. Плохой фильм 16
Глава 5. Свой чертеж 20
Глава 6. После закрытия 24
Глава 7. Рядом 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Лилианна Роуз
Развод в 45. Ты выбрал его

Глава 1. Последний рабочий день

На моем столе стояла коробка из-под смесителя. Олег нашел ее на складе и аккуратно загнул внутрь четыре клапана, чтобы я не ободрала пальцы о скобы.

— Вот, — сказал он. — Под мелочи. Тубусы в багажник положим отдельно.

Я посмотрела на коробку, потом на него. Двадцать три года мы были женаты. Вместе придумали название фирмы, вместе выбирали этот стол, по очереди засыпали над первыми заказами, когда Ева была маленькой. Теперь он заботился о том, чтобы я удобно вынесла свои мелочи.

— Спасибо. Справлюсь.

— Я не в том смысле.

— А я в том.

Он помолчал, опустив ладонь на спинку стула. Кольца на его руке уже не было. Я заметила это еще в феврале, когда мы перестали быть мужем и женой, и каждый раз все равно смотрела на светлую полоску кожи, как будто там могло появиться что-то другое.

За стеклянной перегородкой Людмила разговаривала по телефону с заказчицей. Она придерживала телефон плечом, листала каталог и одновременно показывала мне два пальца: две минуты. Я кивнула. У клиентки, судя по долетавшим словам, опять не помещалась посудомоечная машина. Обычная рабочая пятница. Снаружи по подоконнику стекала апрельская вода, в приемной пахло кофе и свежим картоном. В моей жизни все кончилось, а здесь следовало уточнить размер проема.

— Деньги пришли? — спросил Олег.

— Пришли.

— Всю сумму проверь.

— Проверила.

Я продала ему свою долю без суда и публичной драки. Несколько месяцев считали, спорили, уточняли. Олег не пытался убедить меня, будто двадцать лет я просто сидела рядом, пока он строил дело. Я придумала больше половины наших первых проектов, потом научила людей делать то, что когда-то могла только сама. С этим он спорить не стал. Его подпись под соглашением оказалась куда честнее обещаний, которые он давал мне дома.

Я открыла нижний ящик. Там лежали запасные очки, рулетка с треснувшим корпусом, длинная линейка, два подаренных заказчиками блокнота. В одном Ева в десять лет нарисовала нас троих возле дома. Папа с портфелем, мама с огромными ножницами, хотя никакими ножницами я на работе почти не пользовалась. Она перепутала меня с парикмахером и ужасно обиделась, когда мы засмеялись.

Лист с рисунком я вынула. Блокнот оставила.

— Оксана, — начал Олег. — Я еще раз подумал насчет проектов.

Я закрыла ящик коленом, потому что руки были заняты.

— Мы уже договорились.

— Я знаю. Речь не про долю. Ты можешь вести заказы отдельно. На своих условиях. Мы дадим производство, монтаж, место для встреч. Назовем это партнерством, если тебе так удобнее.

Если тебе так удобнее. Он очень любил эту фразу. Ею можно было обернуть что угодно, от семейного отпуска до неприятного разговора, и получить видимость моего выбора.

— Под вашей маркой?

— Ну а зачем терять узнаваемость? Люди нас знают.

— Нас больше нет.

— Я про фирму.

— И я про фирму.

Олег потер переносицу. Я видела, что он действительно считает предложение разумным. Оно и было разумным. Мне не пришлось бы искать помещение, знакомиться с представителями других производств, объяснять незнакомым мастерам, почему я иногда по полчаса спорю из-за одного ящика. Я получила бы привычный стол, привычный телефон и возможность каждый день видеть, как человек, который предавал меня с ноября, а может, и раньше, спокойно идет пить кофе.

Нет. Раньше ноября — это я уже додумывала. В ноябре я узнала про Яну. Олег подтвердил, что у них отношения, и с тех пор не имело смысла перебирать даты так, будто более короткий срок сделал бы их безобидными.

— Я не буду вести здесь проекты, — сказала я. — Даже под вывеской партнерства.

— Хорошо. Не буду уговаривать.

Он отступил от стула. Он даже не попробовал возразить. Я уставилась на его руку, отпустившую спинку стула, и разозлилась на себя: только что хотела, чтобы он перестал. Теперь мне не нравилось, что перестал.

Я положила в коробку очки, линейку и рисунок, прикрыла его вторым блокнотом. Под ним устроила тонкую папку с личными снимками и копиями старых эскизов. Рабочие файлы оставались в фирме, а эти листы я хранила для себя: на обороте одного был отпечаток маленькой Евиной ладони, на другом — мое сердитое замечание самой себе. На фотографиях попадалось больше людей, чем мебели. Я снимала их между делом, когда еще никто не думал, что эти обычные дни захочется вспоминать. Рулетку оставила на столе. Корпус давно пора было заменить, но в руке она сидела лучше новой.

— Забери, — сказал Олег.

— Она фирменная.

— Оксана, это рулетка.

Я сунула ее к очкам. Не стоило делать последний день еще мельче, чем он был.

Людмила вошла без стука, прикрыла за собой дверь и поставила рядом с коробкой чашку.

— Остынет. Твой, без сахара.

— Спасибо.

— Мы тут собрались ненадолго. Ребята со склада пришли. Виктор с Павлом на полчаса задержались, у них потом выезд. Ты выйдешь?

Я приготовилась к этому и все равно не была готова. Когда утром Люда спросила, нужно ли заказывать пирог, я сказала: не надо устраивать проводы. Она ответила: тогда просто выпьем чай. Оказалось, между этими двумя вещами помещалось ровно столько людей, сколько я не хотела сейчас видеть.

Олег вышел первым. Я стояла у окна, держала чашку и смотрела на мокрый край соседней крыши.

— Ксан, — тихо сказала Люда. — Можно и не выходить. Я разгоню.

— Они же пришли.

— Не на представление.

Я обернулась. У нее было такое осторожное лицо, что захотелось попросить ее злиться, торопиться, ругаться из-за потерянного счета, делать что угодно, только не разговаривать со мной как с хрупкой вещью.

— Помада не размазалась?

— Нет.

— Тогда пошли.

На широком столе в переговорной стояли две коробки печенья, чайник и маленький букет желтых тюльпанов. Никакого пирога. Я была благодарна Люде за это больше, чем могла бы сказать.

Павел подвинул мне стул. Роман, младший из монтажников, отступил от окна, пряча в карман телефон. Виктор стоял у торца стола в темной рубашке, с закатанными рукавами. Он редко появлялся в офисе без рабочей куртки, и я вдруг заметила, что за одиннадцать лет почти не видела его обычным человеком, которому тоже надо по утрам выбирать одежду.

— Оксана, — сказал он, — я от наших. Спасибо за то, что вы не рисовали крепеж там, куда никакой человек не доберется.

Все засмеялись. Я тоже, хотя один такой проект сразу вспомнила.

— Рисовала. Ты еще фотографию прислал, где Павел лежит в шкафу.

— Так это после фотографии перестали.

— Я тогда просила сначала снять дверцу.

— А Павел решил доказать, что гибкий, — добавил Роман.

Павел покраснел и махнул рукой:

— Один раз было.

Я смеялась вместе с ними и уже не боялась, что сейчас начнут жалеть жену начальника. Здесь помнили и мой неудачный чертеж.

Людмила вручила мне тюльпаны. Потом говорили о первом салоне, где зимой дуло из двери, о заказчице, которая хотела шкаф для одной-единственной шляпы, о нашем старом принтере. Олег стоял немного в стороне, улыбался знакомым шуткам. Он был частью всего этого, как бы мне ни хотелось вычеркнуть его из комнаты.

Я сказала спасибо. Без речи. Если бы начала вспоминать по порядку, не закончила бы до вечера.

— А вы теперь где будете? — спросил Роман.

— Пока ищу помещение.

— Свое открываете?

— Студию. Небольшую.

— Здорово.

Он сказал искренне. Люда кивнула, Павел пожелал удачи. Я ждала, что разговор как-нибудь сам перейдет с моего ухода на будущую встречу. Кто-нибудь предложит выбраться всем вместе, назовет место, спросит, когда я свободна. Вместо этого Павел напомнил Роману про погрузку в понедельник, Люда проверила телефон. У них уже было завтра, в котором не требовалось специально искать друг друга. Мне теперь предстояло договариваться даже о простом чае.

Все это я понимала. И все равно ждала, пока Люда не убрала со стола чайник.

Виктор посмотрел на часы.

— Нам пора. Там к трем ждут.

— Конечно.

Он взял со стула куртку и подошел ко мне.

— Удачи вам, Оксана. Правда.

— Спасибо. И вам.

Мы пожали руки. Его ладонь была теплой, с грубой полоской кожи у основания пальцев. Я знала эти руки по чертежам и фотографиям: вот он держит петлю, вот показывает, почему не сойдется угол, вот придерживает край тяжелой двери. Сейчас они просто отпустили мою руку.

Через десять минут переговорная опустела. Люда понесла чашки на кухню, кто-то позвонил в дверь, Олег ушел отвечать на звонок поставщика. Я вернулась за коробкой. На столе осталось светлое прямоугольное пятно на месте органайзера, простоявшего там много лет.

Я взяла тубусы, но они выскользнули из-под локтя и покатились к стене.

— Подожди, — сказала Люда.

Она подняла их, не предлагая вызвать Олега. Мы вдвоем донесли вещи до моей машины. Тюльпаны пришлось уложить на пассажирское сиденье, завернув стебли в бумагу, чтобы вода не капала на обивку.

— В воскресенье позвонишь? — спросила она.

— Ты занята?

— У мамы обед. Вечером свободна.

— Позвоню.

Она задержалась у открытой дверцы.

— Я за тебя очень рада. И очень переживаю. Можно сразу и то и другое?

— Можно.

Мы обнялись. Я чувствовала через ее тонкую куртку жесткий край телефона в кармане и думала, что вот это настоящее прощание, а не печенье за столом.

Когда Люда ушла, я еще несколько минут сидела в машине. Фирменная табличка висела над входом, и мое отражение дробилось в стекле на отдельные темные пятна. Завтра здесь будут принимать клиентов. В понедельник Виктор привезет монтажников. Олег опять что-нибудь придумает, кому-нибудь позвонит, на чем-нибудь сэкономит. Все это произойдет без меня.

На телефоне мигало напоминание: в субботу, одиннадцать часов, посмотреть комнату на Советской. Я сама поставила его три дня назад, когда еще надеялась, что от записи в календаре станет не так страшно.

Я нажала на адрес, проверила дорогу и завела двигатель. Коробка тихо зашуршала на заднем сиденье. В ней лежало меньше, чем я ожидала. Завтра я повезу ее на Советскую. Если комната подойдет.

Глава 2. Комната без вывески

Светлана опаздывала на семь минут, а я успела решить, что помещение уже сдали кому-нибудь более убедительному. Я стояла на площадке второго этажа, смотрела на дверь с пустой рамкой для таблички и злилась на собственное желание понравиться незнакомой женщине.

Внизу работал магазин тканей. На лестнице пахло пылью, мокрыми пальто и чем-то сладким из пекарни через стену. Место было непарадное, зато от остановки две минуты, а припарковаться можно было во дворе. Я проверила это раньше, чем измерила высоту потолка.

— Простите, — сказала Светлана, поднимаясь с большой связкой ключей. — В магазине терминал завис. Девочки без меня боятся его трогать, хотя я тоже только выключать умею.

Она была младше меня лет на пять, невысокая, в светлом плаще и ярких кроссовках. Один шнурок почти развязался. Я почему-то сразу успокоилась. Пока она искала ключ, мне захотелось предупредить ее про шнурок, а не произвести впечатление.

Светлана открыла дверь и отступила.

— Вот. Сразу скажу: стену к соседям двигать нельзя. И вывеску снаружи надо сначала со мной обсудить, у нас фасад общий.

— Мне пока хватит таблички.

— Все так говорят. Потом хочется, чтобы из трамвая видно было.

Комната оказалась светлее, чем на фотографиях. Два окна выходили во двор, под одним стоял старый письменный стол. На стене остался более чистый прямоугольник от карты мира. До меня здесь сидела женщина, которая подбирала людям поездки на море. Я провела пальцем по следу от рамки и представила, как кто-нибудь обсуждал у этого окна пляж, а потом вернулся в наш серый апрель с загорелыми руками.

— Стол могу оставить, — предложила Светлана. — Или убрать. Шкаф в коридоре общий, туда образцы можно, если немного.

— Не надо убирать. Я посмотрю.

Я поставила сумку на подоконник, достала рулетку. Дома она всю ночь лежала в коробке, а утром я автоматически сунула ее в сумку, как ключи. Теперь тонкая металлическая лента прошла вдоль стены с привычным шорохом. Три метра с небольшим. У противоположной стены можно было устроить место для разговора с клиентом, не превращая мой рабочий стол в стол переговоров.

Я передвинула один из стульев. Он качнулся, и Светлана тут же сказала:

— Под правую ножку картонка нужна. Я каждый раз забываю приклеить.

— Картонка ненадолго поможет. Ножки можно проверить.

— Умеете?

— Умею понять, какой стул лучше не предлагать заказчику.

Она засмеялась. Я села на устойчивый стул, развернула его к окнам. Свет падал сбоку, не прямо в экран. На улице мужчина выгружал из машины рулоны, у соседнего подъезда женщина разворачивала коляску. Ничего впечатляющего. Никакой витрины с дорогой кухней, где каждая ручка рассчитана на правильное освещение. Но здесь я могла сама решить, как будет стоять стол.

— Вы одна будете работать? — спросила Светлана.

— Сначала одна.

— А потом?

— Посмотрим.

Мне хотелось сказать: потом будет помощник, помещение побольше, своя команда. Слова уже выстроились, уверенные и гладкие. Я проглотила их. Светлана спрашивала не о моих амбициях, а о том, сколько людей будет ходить по ее лестнице.

Мы обсудили отопление, уборку, время доступа. В коридоре имелся небольшой общий уголок с чайником и раковиной; посуду каждый приносил свою. По субботам магазин внизу закрывался раньше, но вход со двора оставался доступен. Я записала это в блокнот и чуть не забыла спросить о запасном ключе. Раньше такие мелочи выяснялись без меня; теперь надо было успеть, пока Светлана не ушла.

— Можно до вечера подумать? — спросила я.

— Можно. Только обещать, что буду держать неделю, не стану. У меня помещение пустует с февраля.

— Мне неделя не нужна.

Светлана дала мне лист с условиями и свой номер. Уже на лестнице я остановилась, посмотрела вниз, где через открытую дверь виднелись рулоны ткани. Одна покупательница приложила к лицу синий отрез, и продавщица терпеливо ждала, пока она оценит себя в зеркале.

Я тоже могла уйти и посмотреть еще десять вариантов. Комната возле нового жилого комплекса. Кабинет в деловом центре. Работа из дома, пока не станет понятно. В каждом решении находилось что-то разумное, особенно если очень не хотелось принимать ни одного.

— Светлана.

Она обернулась.

— Да?

— Беру. Качающийся стул пока оставьте. Если не выправлю, заменю.

— Договорились.

Она улыбнулась и снова достала ключи. Я смотрела, как она ищет нужный, и уже жалела, что оставила ноутбук дома.

К вечеру у меня появились ключ, экземпляр короткого договора и список вещей, которых я раньше не замечала: удлинитель, корзина для бумаг, крючки для верхней одежды, лампа. Я отвезла домой тубусы, забрала ноутбук и вернулась. Светлана уже ушла. Внизу закрывали магазин, и продавщица придержала для меня дверь.

— Вы новая соседка?

— Да. Дизайнер.

— А чего?

— Мебели. И комнат.

— Отлично. У меня шкаф так стоит, что я его каждый день ненавижу.

— Приходите как-нибудь. Посмотрим.

Сказав это, я поймала себя на неожиданной радости. Не от возможного заказа. Женщина не спросила, с кем я работала раньше, почему ушла, как пережила развод. Ей был нужен человек, который мог помочь со шкафом. С этим я знала, что делать.

Я поставила ноутбук на стол, положила рядом блокнот. Вместо вазы нашлась высокая банка, в которую я опустила принесенные с собой тюльпаны. Они уже немного раскрылись и смотрели в разные стороны. Бумагу я выбросила, воду налила из раковины в коридоре. Потом села и впервые услышала, как тихо бывает в помещении, где никто не знает твоего имени.

Дома я могла бы включить телевизор. Здесь мешать тишине было нечем.

Я открыла старый файл с расчетами. Деньги от продажи доли позволяли не хвататься за первый попавшийся заказ и не жить на гречке после каждого платежа. Но если я начну вести себя так, будто запас бесконечен, он закончится быстрее, чем появится работа. Я разделила лист на три части: помещение, текущие расходы, производство. В последней колонке почти ничего не было.

Производство мы размещали у постоянных партнеров, монтаж держали свой. Здесь я собиралась работать с независимыми исполнителями: сначала проверить законченные объекты, поговорить с заказчиками, затем обсуждать конкретный проект. Я начала список кон-

тактов, отметила, кому позвоню в понедельник. Но теперь был субботний вечер. Хотелось рассказать кому-нибудь про два окна и след от карты мира, услышать знакомый голос.

Я взяла телефон, нашла Виктора в контактах. Его номер был среди рабочих записей с пометками про адреса и замеры. Последний телефонный разговор был десять дней назад, еще до окончательного выхода из фирмы.

Он ответил не сразу.

— Да, Оксана?

— Не отвлекаю?

— Сижу в очереди на мойку. Самое бесполезное занятие в субботу, учитывая погоду.

— Зачем тогда сидишь?

— Уже двадцать минут потерял. Теперь жалко уезжать.

Я улыбнулась и посмотрела на свой пустой стол.

— Я сняла комнату.

— Для студии?

— Да. Сегодня.

— Быстро.

— Если бы думала еще неделю, решила бы, что дома тоже прекрасно. Хотела спросить… Ты мог бы посмотреть? Не ремонтировать. Просто зайти. Мне хочется поговорить с человеком, который понимает, как это потом превращается в готовую мебель.

Он молчал несколько секунд. Я успела пожалеть, что позвонила. Наверное, он уже решил, что теперь я буду обращаться к нему с бесконечными просьбами по старой памяти.

— Посмотреть могу, — сказал он. — Завтра после двух удобно?

— Удобно. Только я тебя не зазывать помогать собираюсь. Стол уже передвинула, стул пока жив.

— Жалко. Я как раз хотел весь выходной посвятить чужому стулу.

Я рассмеялась.

— Чай будешь?

— Буду. Это предложение мне больше нравится.

Я посмотрела на пустой подоконник и мысленно добавила кружки к списку покупок. Для себя одной я, наверное, еще неделю носила бы чай из дома.

— Адрес пришлите, — сказал он. — Только не голосом, а то я опять перепутаю дом и подъезд.

— Ты никогда не путаешь адреса.

— По работе стараюсь не признаваться.

Мы попрощались. Я отправила ему улицу, номер дома и короткое объяснение, как подняться со двора. Через минуту пришел ответ: «Буду около половины третьего».

Я положила телефон экраном вниз. В комнате все осталось прежним: потертая столешница, банка с тюльпанами, след от чужой карты. Но завтра сюда придет человек не для того, чтобы оценить, насколько удачно я переживаю развод. По крайней мере, я надеялась на это.

Перед уходом я сняла с ключа бумажную бирку с чужой надписью «туризм». Постояла с ней в руке, не зная, куда деть, и наконец бросила в корзину. Новую бирку делать не стала. Я и так знала, от какой двери этот ключ.

Глава 3. Не по работе

Виктор приехал без инструментов. Почему-то именно это я заметила первым.

Он поднялся по лестнице в обычной темно-синей куртке, держась за перила. В руке у него был только телефон. Ни чемоданчика, ни рулетки на ремне, ни папки с распечатанными размерами. Я открыла дверь и на мгновение растерялась, словно ко мне пришел не тот человек, которого я ждала.

— Нашел? — спросила я.

— Нет. До сих пор ищу.

Он посмотрел на пустую рамку возле двери, и я рассмеялась.

— Табличку закажу.

— Я по тюльпанам понял. Их со двора видно.

Он вошел, снял куртку и огляделся. За утро я успела купить две кружки, чай и небольшой удлинитель. Ноутбук стоял на столе, рядом лежал план комнаты. Я нарисовала его от руки, хотя давно привыкла делать все на экране. На бумаге пустое помещение не казалось таким голым.

— Свет хороший, — сказал Виктор.

— Во второй половине дня лучше. Утром соседний дом немного закрывает.

Он подошел к окну, но не стал трогать раму или проверять, как она открывается. Просто посмотрел во двор.

— Тихо. Для разговора с клиентами удобно.

— Ты можешь сказать, если место плохое.

— Зачем мне говорить, что оно плохое, если я так не думаю?

— Из вежливости люди иногда хвалят.

— Тогда вы зря меня позвали. Я не самый вежливый.

Я вспомнила, как несколько лет назад он вернул мне чертеж с единственной пометкой: «Руку заказчику выдаем отдельно?» Я тогда заложила слишком глубокий открытый отсек, уверенная, что в нем будут хранить вещи редко. Виктор приложил к замечанию фотографию: он пытался достать коробку, лежа животом на полке. Я злилась целых десять минут, потом переделала проект.

— Про вежливость я помню, — сказала я. — Но у тебя со мной странно получается. Одиннадцать лет знакомы, а ты все на «вы».

— Привык.

— Я же тебя на «ты».

— Тоже привык.

Мне стало неловко. Одиннадцать лет я не замечала этой разницы, пока он не пришел ко мне без рабочей папки. Никто в фирме не требовал обращаться ко мне на «вы», но и я ни разу не предложила иначе.

— Давай теперь одинаково, — предложила я. — Если тебе нормально.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Нормально, Оксана.

Я вдруг услышала свое имя иначе. Не как начало вопроса про толщину панели. Просто имя.

Мы сели за стол. Виктор повернул к себе мой рисунок, долго рассматривал его, потом указал на угол возле двери.

— Это шкаф для образцов?

— Да. Узкий.

— А клиент куда пальто повесит?

— На крючок.

— За шкафом?

Я забрала лист, посмотрела и вздохнула. Крючок я действительно оставила на том месте, где он висел сейчас, а шкаф нарисовала почти вплотную к нему.

— Можно перенести.

— Можно. Только не делай из комнаты склад. У вас в старом салоне каждый свободный сантиметр постепенно превращался в место для коробки.

— У нас, — машинально сказала я.

Он не поправил. Я сама услышала.

— Там, — добавила я.

Виктор положил ладони на стол. На большом пальце у него был короткий светлый след от давнего пореза. Он заметил мой взгляд и убрал руку, будто я рассматривала что-то неприличное.

— Образцы можно держать в общем шкафу, — продолжила я. — Здесь только то, что нужно для встречи. Пока я буду вести проекты одна, подрядчиков присматриваю отдельно.

Разговор опять сам собой свернул к заказам, хотя сейчас мне хотелось спросить совсем другое: чем Виктор занимается в воскресенье, когда никто не ждет от него точных размеров.

— Ты чай будешь?

— Буду.

Я встала, взяла обе кружки и пошла в коридор. Чайник, который я включила перед приходом Виктора, уже вскипел. Я налила воду, бросила пакетики и вдруг поняла, что не спросила, какой чай он пьет. Одиннадцать лет мы обсуждали мебель и чужие квартиры, а я не знала даже этого.

— Черный подойдет? — крикнула я из коридора.

— Подойдет.

— Сахар?

— Нет, спасибо.

Я вернулась, поставила перед ним кружку. Его была темно-зеленая, моя белая. В магазине они выглядели как случайная пара, и теперь я почему-то радовалась, что не купила одинаковые.

— Я не принесла ничего к чаю, — сказала я.

— Я ел.

— Это не связано.

— Тогда у меня есть повод зайти еще раз.

Он сказал это легко, с улыбкой, а потом словно сам услышал, что получилось. Отвел глаза к рисунку. Я тоже посмотрела на лист, хотя прекрасно помнила, что там нарисовано.

С улицы донесся глухой стук: внизу закрыли дверь машины. В комнате стало слишком тихо для разговора двух коллег.

— Ты куда после меня? — спросила я.

— К Кире. Она обещала показать новые фотографии.

— Дочка?

— Да.

Я знала, что у него есть дочь, но возраст не помнила.

— Сколько ей сейчас?

— Двадцать пять. Работает, снимает квартиру с подругой и считает, что я совершенно не умею пользоваться телефоном. Иногда права.

— Моя тоже так считает.

— Еве сколько?

— Двадцать два.

— Быстро.

— Очень.

Мы оба улыбнулись. Двадцать пять, двадцать два — а я все еще помнила Еву, которая засыпала, не доев ужин. Потом Виктор спросил, работает ли Ева, и я рассказала про бюро, про ее первую настоящую зарплату, про то, как она трижды переделывала письмо заказчику, потому что боялась показаться слишком молодой.

— Я сказала ей, что по письму возраст не определишь, — закончила я.

— А она?

— Спросила, почему тогда я перечитываю свои пять раз.

Виктор рассмеялся. У него смех оказался негромкий, чуть хрипловатый, и от него лицо менялось сильнее, чем от улыбки. Я вдруг подумала, что не видела его смеющимся так долго. В офисе мы шутили, конечно. Но между звонками, на бегу, пока кто-нибудь держал дверь или искал нужную бумагу. Здесь нам никто не мешал.

— Ты давно один живешь? — спросила я и сразу пожалела, что не выбрала более нейтральную тему.

— Восемь лет после развода. Не все восемь один, если ты об этом.

— Я не собиралась проводить опрос.

— А я не возражаю. Просто чтобы без героической легенды. Развелся, жил дальше. Были отношения, не сложились.

Он отпил чай и оставил подробности при себе. Я расслабила пальцы на ручке кружки: мне не предлагали оценивать ни его стойкость, ни бывших женщин.

— А ты? — спросил он.

— Что я?

— Как живешь сейчас? Не про фирму.

Я обхватила кружку ладонями. Чай уже немного остыл, и кружка не обжигала ладони.

— В основном не знаю, куда девать вечера, — призналась я. — Днем все понятно. Есть дела, документы, вот комната. А вечером иногда включаю свет в кухне, хотя сижу в другой комнате. Чтобы квартира не казалась пустой.

Он кивнул и некоторое время молча поворачивал кружку за ручку.

— Я после развода полгода засыпал под телевизор, — сказал он. — Потом понял, что не могу вспомнить ни одного фильма.

— И перестал смотреть?

— Стал ходить в кино. Там хотя бы жалко засыпать за свои деньги.

— На что ходишь?

— На разное. Больше старое люблю. В «Маяке» по вторникам показывают фильмы, давно вышедшие из проката. Иногда хорошее. Иногда понятно, почему сняли.

Я засмеялась.

— А я последние годы только в торговом центре была. То Ева звала, то Олег выбирал. Обычно кто-нибудь два часа бежал и взрывал машины.

— Не любишь?

— Я люблю, когда понимаю, зачем он бежит. Кроме того, что за роль ему заплатили.

Виктор откинулся на спинку стула.

— Во вторник там старый «Северный рейс». Я не видел. Говорят, очень красивый. Про людей на корабле, которые долго не могут договориться.

— Звучит как наша планерка.

— Тогда нам будет привычно.

Я подняла на него глаза. Он уже не смотрел на рисунок.

— Хочешь сходить?

Я могла бы ответить сразу. Могла бы сделать вид, что не поняла. В сорок пять лет оказалось удивительно легко почувствовать себя человеком, которому предлагают неизвестное и очень важное, хотя речь шла всего лишь о кино во вторник.

— Хочу, — сказала я.

— Сеанс в семь. Билеты я возьму?

— Возьми. Сколько перевести?

— Давай потом разберемся.

— Виктор.

Он улыбнулся:

— Ладно. Пришлю сумму вместе с билетами. Не хочу испортить приглашение бухгалтерией.

— Я тоже. Просто…

— Понял.

Я уже приготовила объяснение, зачем мне непременно платить за себя, но он потянулся за остывшим чаем, и я с облегчением промолчала.

Он допил чай, помог мне отнести кружки в коридор и вернулся за курткой. Ничего не починил, не повесил, не передвинул тяжелого. На прощание сказал, что комната ему нравится, и спросил, буду ли я во вторник ехать из студии.

— Скорее всего.

— Тогда встречаемся прямо у кинотеатра. Я с другого конца города.

— Хорошо.

Когда он ушел, я обнаружила, что мы так и не обсудили ни одного производителя. План комнаты лежал между двумя светлыми кругами от кружек. Я сдвинула нарисованный шкаф в другой угол, добавила крючок у двери и отложила карандаш.

До вторника было два дня. Кажется, давно я так не ждала середины рабочей недели.

Глава 4. Плохой фильм

Во вторник я переоделась в студии и почти сразу захотела вернуться в прежний свитер. Кремовая блузка казалась слишком нарядной, темные брюки — слишком строгими. Я стояла перед маленьким зеркалом, которое Светлана разрешила взять из кладовки, и не могла решить простую задачу: как выглядит женщина, идущая в кино с мужчиной, которого давно знает, но с которым никогда никуда не ходила.

В конце концов я надела пальто. Оно закрывало все спорное.

Виктор прислал билеты днем. Я перевела ему половину стоимости, он ответил коротким «получил», и больше мы к этому не возвращались. Мне понравилось, что он не стал шутить про мою принципиальность. Я и сама не была уверена, где у меня принципиальность, а где страх снова оказаться кому-нибудь обязанной.

У «Маяка» я появилась за двенадцать минут до начала. Старый фасад недавно покрасили, но буквы над входом сохранили прежние: широкие, с закругленными краями. Я помнила их с юности. Когда-то мы с подругами встречались здесь после занятий, спорили, кто купит билеты, и считали взрослой жизнью возможность вернуться домой на час позже.

Виктор стоял у афиши. Он заметил меня не сразу, и я успела увидеть его со стороны: чуть нахмуренный, сосредоточенный, будто пытался понять, почему на картинке два человека смотрят в разные стороны. Потом он повернулся, улыбнулся, и вся моя старательная подготовка вдруг стала неважной.

— Привет.

— Привет. Давно ждешь?

— Минут пять. Ты хорошо выглядишь.

Я опустила глаза на пояс пальто.

— Спасибо.

Он не стал добавлять ничего, что сделало бы комплимент безопасным и рабочим. Не сказал «отдохнувшей» или «бодрой». Просто посмотрел на меня еще секунду, прежде чем открыть дверь.

Внутри пахло старой обивкой и свежим кофе. У кассы сидела женщина, которая одновременно проверяла билеты и объясняла молодому человеку, что сеанс не перенесли, а он пришел не в тот день. Мы поднялись по широкой лестнице. Виктор прочитал номер ряда на экране телефона, потом сверился с табличкой возле двери.

— На этот раз точно сюда, — сказал он.

— В прошлый раз ошибся?

— Однажды двадцать минут смотрел фильм, прежде чем понял, что это не тот. Названия похожие были.

— И ушел?

— Нет. Уже интересно стало.

Я улыбнулась. Виктор, который возвращал чертеж из-за двух миллиметров, мог двадцать минут смотреть не тот фильм и остаться до конца.

В зале было человек двадцать. Мы сели ближе к середине. Кресла оказались мягкими, но узкими, и, когда Виктор устраивался рядом, его локоть коснулся моего. Он извинился, я сказала, что ничего страшного. Потом мы оба зачем-то переставили руки на колени.

Фильм начался с моря. Очень красивого моря. Волны шли одна за другой, на фоне звучала музыка, и я приготовилась к истории, в которой люди наконец перестанут спорить о фурнитуре, поставках и сроках.

Через полчаса мне захотелось, чтобы кто-нибудь поспорил хотя бы о фурнитуре.

Капитан молчал. Молодой человек в белом свитере смотрел в иллюминатор. Женщина появлялась на палубе, говорила одну загадочную фразу и уходила. Потом снова показывали море. Я попыталась понять, кто кому приходится родственником, но герои, кажется, и сами не торопились это выяснять.

Рядом со мной Виктор сидел неподвижно. Я не знала, нравится ли ему фильм или он тоже ждет, когда на корабле хоть что-нибудь случится. Мне стало смешно от собственной осторожности: неужели я сейчас буду делать вид, что глубоко тронута, только потому, что мужчина пригласил меня на красивое кино?

На очередном долгом плане пустой палубы я чуть повернула голову. Виктор посмотрел на меня в ту же секунду. На его лице было такое безнадежное недоумение, что я зажала рот ладонью.

Он наклонился совсем немного.

— Кажется, корабль давно пришел, — прошептал он. — Нам просто не сказали.

Я тихо рассмеялась. Сзади кто-то недовольно шевельнулся, и мы выпрямились, как школьники. До конца фильма я уже не пыталась заставить себя проникнуться. Смотрела на море, на лица, на свет и время от времени ловила взгляд Виктора. Неловкость исчезла, уступив место маленькому сообщничеству.

Когда включили свет, он поднялся первым и протянул мне пальто.

— Я должен извиниться.

— За капитана или за весь экипаж?

— За то, что не проверил, сколько там диалогов.

— Диалоги были. Просто каждый человек говорил в своем фильме.

Виктор засмеялся. В проходе мы пропустили пожилую пару, которая обсуждала прекрасную операторскую работу. Я услышала это и посмотрела на него.

— Может, мы просто ничего не поняли.

— Вполне возможно. Но скучал я совершенно искренне.

Мы вышли на улицу. За время сеанса стемнело, и мокрый асфальт блестел под фонарями. Дождя не было, только прохладный ветер тянул с реки. Я застегнула пальто, Виктор убрал телефон в карман.

— Ты домой торопишься?

— Нет.

— Пройдемся?

Я кивнула. Машину я оставила возле студии, до нее было несколько кварталов. Мы могли пройти туда по прямой, но свернули к набережной. Никто не объяснял зачем. Просто вечер еще не закончился.

Виктор рассказал, как однажды привел Киру на старую комедию, которую любил с детства, а она спросила, почему все разговаривают так, будто стоят на сцене. Он сначала обиделся, потом пересмотрел фильм и понял, что она не совсем неправа.

— Ты умеешь обижаться на чужое мнение о кино? — спросила я.

— Еще как. Просто стараюсь делать это недолго.

— А я могу долго.

— На кино?

— На то, что мне сказали не тем тоном. Иногда человек уже забыл, что говорил, а я все помню, как он вздохнул перед словом «ладно».

Он не ответил сразу. Мы остановились у парапета. Внизу темнела вода, возле пристани качался маленький служебный катер. От фонарей тянулись длинные неровные полосы.

— Я иногда, наоборот, думаю, что промолчал аккуратно, — сказал Виктор. — А потом выясняется, что молчание тоже было ответом. Только не тем, который я хотел дать.

Он смотрел на воду, будто вспомнил что-то свое. Я постояла рядом, не расспрашивая.

— Олег любил говорить, что я придираюсь к формулировкам, — сказала я. — Наверное, иногда правда придиралась.

Виктор повернулся ко мне. Я почувствовала, как внутри все напряглось: сейчас он начнет осторожно соглашаться или защищать человека, с которым работает.

— Я не знаю, как вы разговаривали дома, — ответил он. — На работе ты обычно просила сказать точнее. Это не одно и то же.

Мне стало легче. Он не выбрал сторону в разговоре, о котором ничего не знал, и не отмахнулся от меня.

Я провела ладонью по холодному камню парапета, потом спрятала ее в карман.

— Прости. Я не собиралась весь вечер про бывшего.

— Ты не весь вечер. Минуту.

— Мне кажется, он и так уже занимает слишком много места.

— Тогда можем обсудить капитана. Там места точно хватит всем.

Я рассмеялась, и тема отступила без торжественного запрета. Мы пошли дальше. Виктор говорил о городе, о кинотеатре, который когда-то стоял на месте банка, о деревянных скамейках в летнем зале. Я помнила этот зал, но по-другому: леденцы в бумажных пакетах, занозу в ладони, чужую руку на спинке скамейки. Мы несколько раз перебивали друг друга, споря, где находился вход, и наконец поняли, что вспоминаем разные годы.

— Мне сорок девять, — сказал он. — Я успел застать старую крышу.

— А мне сорок пять. Я думала, что старше всех уже я.

— Сегодня нет.

— Спасибо, утешил.

Он улыбнулся. У глаза собрались маленькие складки, ветер поднял несколько светлых волос у виска. Мне захотелось пригладить их; я сжала пальцы в кармане.

У перехода я посмотрела на время. Мы гуляли почти час.

— Ты как домой? — спросила я.

— На автобусе. Остановка вон там.

— Я могу подвезти.

— Тебе в другую сторону.

— Я не знаю, где ты живешь.

— А я знаю, где твоя студия. Ты мне присылала адрес.

Я опять засмеялась. От моей студии он и правда добрался бы домой быстрее на автобусе.

Мы дошли до угла, откуда мне оставалось несколько минут до машины. Виктор остановился.

— В следующий раз фильм выбираешь ты.

— То есть следующий раз будет?

Я сказала это раньше, чем успела решить, не слишком ли прямо. Он посмотрел мне в глаза.

— Я бы хотел.

От этих простых слов у меня стало тепло под пальто, хотя ветер не стих.

— Я тоже.

Он кивнул, будто мы договорились о чем-то очень важном и не собирались сейчас делать вид, что это случайность.

— А еще в пятницу в обсерватории открытый вечер, — сказал он. — Если не затянет облаками. Там маленькая группа, по записи. Я давно собирался.

— Ты разбираешься в звездах?

— В некоторых. В остальных уверенно путаюсь.

— Тогда мне подходит.

Мы еще немного постояли. Я ждала, что он подойдет ближе, и одновременно боялась этого. Он поднял руку, легко коснулся моего плеча через пальто и сказал:

— Напиши, когда доедешь.

Я кивнула. Мне было приятно, что он будет ждать этого сообщения.

В машине я села, не включая двигатель, и достала телефон. В контактах он все еще значился «Виктор монтаж». Я стерла второе слово, потом остановилась. Получилось непривычно. Как будто я оставила человека без должности, которая одиннадцать лет объясняла, зачем он мне нужен.

Я сохранила имя и завела машину. Через двадцать минут отправила ему короткое сообщение: «Дома. Море было красивое».

Ответ пришел почти сразу: «Согласен. А вечер еще лучше».

Я прочитала его дважды. Потом положила телефон на стол и не стала включать телевизор.

Глава 5. Свой чертеж

Зоя Николаевна пришла в среду с рулеткой в сумке и листком, на котором уже были записаны размеры комнаты. Она разложила его передо мной, прижала угол футляром от очков и сказала:

— Я измеряла сама. Но вы все равно проверьте. Муж держал край, у него терпение быстро заканчивается.

Я улыбнулась и предложила ей сесть. Первую заказчицу в новой студии я ждала так старательно, что за десять минут до ее прихода протерла стол два раза. Теперь на нем стояли кружки, лежал блокнот и не было ничего такого, что должно было бы убедить человека в моей успешности. Ни дипломов в рамах, ни фотографий дорогих квартир на всю стену. Я вдруг пожалела, что не успела хотя бы распечатать несколько работ.

Зоя Николаевна, кажется, не заметила отсутствия декораций. Она посмотрела на окна, одобрительно кивнула и сразу начала рассказывать о комнате.

— Сын переехал. Окончательно, надеюсь. Сначала говорил, что на месяц, потом на полгода. Теперь у них своя квартира. А я захожу в его прежнюю комнату и все еще вижу школьный стол.

— Много вещей оставил?

— Достаточно, чтобы считать комнату своей, и недостаточно, чтобы самому там жить.

Я рассмеялась. Она сняла очки, потерла переносицу и тоже улыбнулась. Ей было шестьдесят один, но двигалась она быстро, уверенно, будто привыкла не ждать, пока кто-нибудь принесет нужную вещь. Короткие волосы были аккуратно уложены, на рукаве темного жакета блестела маленькая булавка в виде птицы.

— Мне вас соседка посоветовала, — сказала она. — Вы ей в прихожей такой шкаф сделали, что она теперь всем показывает, куда у нее пылесос убирается.

— Это было давно?

— Года три назад. Может, четыре. Она номер дала. Я сначала в старый салон позвонила, а мне сказали, что вы теперь отдельно.

Я приготовилась к неприятному вопросу. Почему отдельно, что случилось, не страшно ли начинать заново. Зоя Николаевна спросила другое:

— Вы только чертеж сделаете или с исполнением тоже поможете?

— Могу вести проект до готовой комнаты. Но изготавливать и устанавливать мебель будут отдельные подрядчики. Я сейчас уточняю объем работ и стоимость, поэтому окончательную сумму сегодня не назову.

— И не надо. Вы сначала посмотрите, чего я вообще хочу.

Я подвинула к себе блокнот. О пустых стенах можно было больше не думать.

Она достала телефон. На фотографиях была прямоугольная комната с окном в торце. У одной стены стоял старый диван, у другой — высокий шкаф с темными дверцами. Между ними теснился письменный стол, заваленный коробками. На подоконнике стоял маленький кактус в чашке с отколотой ручкой.

— Кактус тоже его? — спросила я.

— Мой. Он у меня выжил из всех цветов. Я решила, что заслужил отдельную комнату.

Я увеличила снимок, посмотрела, где проходят трубы, как открывается дверь. Потом начала задавать вопросы: что должно остаться, что убираем, чем будут пользоваться каждый день. Зоя Николаевна отвечала не всегда сразу. На вопрос про диван пожала плечами.

— Он старый, но еще крепкий.

— Сын иногда приезжает ночевать?

— Пока нет. Но кто знает.

Я отметила спальное место, не придав ее паузе большого значения. В моих проектах взрослые дети часто продолжали занимать часть комнаты даже после переезда. Люди готовы были заменить шкаф, стол, обои, но не сразу решались убрать возможность для чьего-то возвращения.

— А стол нужен? — спросила я.

— Нужен. Только не этот школьный. Я бы хотела нормальную поверхность, чтобы можно было разложить бумаги и не собирать каждый раз.

— Работаете дома?

— Нет. Я уже не работаю. У меня фотографии, открытки, кое-какие записи. Все в коробках. Собираюсь разобрать, да в кухне вечно кому-нибудь мешаю.

Я записала: большая рабочая поверхность, удобный свет, неглубокие ящики. Она наклонилась к блокноту.

— Только не надо мне сразу сто маленьких отделений. Я потом забываю, в каком что лежит.

— Хорошо. Сначала разберемся с тем, чем пользуетесь.

Мы договорились, что на следующий день я приеду посмотреть комнату и снять размеры. Она назвала примерный бюджет, я записала его как ориентир, отдельно подчеркнув, что стоимость мебели и монтажа надо будет уточнять по готовому решению. Зоя Николаевна кивнула и убрала свои листки в сумку.

— Вы меня только не торопите, — попросила она. — Я долго собиралась. Теперь хочется не быстро, а чтобы потом не передвигать самой.

— Я постараюсь.

— Стараться хорошо. Но если вы считаете, что я глупость хочу, говорите.

— Говорить буду. Решать все равно вам.

Она снова надела очки и посмотрела на меня поверх оправы, будто проверяла, не произнесла ли я привычную фразу для клиента. Потом удовлетворенно кивнула.

Когда дверь за ней закрылась, я еще некоторое время сидела неподвижно. Первый разговор прошел нормально. Я перелистала записи: все нужное спросила, адрес и время замера отметила, даже про кактус помнила. Ни разу не понадобилось выйти в соседний кабинет.

Я открыла программу, перенесла размеры с листка Зои Николаевны и составила список вопросов для замера. По фотографии было трудно понять форму угла. До встречи с хозяйкой не стоило выдумывать трудности. В отдельной папке хранились контакты независимых монтажников; к разговору с ними мне понадобились бы точные размеры.

На экране телефона было открыто вчерашнее сообщение Виктора про хороший вечер. Я прочитала его, улыбнулась и ответила: «До сих пор вспоминаю нашего капитана». Потом положила телефон рядом и вернулась к плану. Линии комнаты постепенно вставали на свои места, а мне время от времени хотелось рассмеяться без всякой рабочей причины.

Вечером позвонила Ева. Я услышала за ее голосом шум улицы и спросила, не идет ли она через дорогу.

— Уже перешла, — ответила она. — Мам, у тебя все готово?

— Что именно?

— Студия. Ты мне только дверь прислала.

— Там пока почти одна дверь и есть.

— И стол.

— И стол. И две кружки.

— Важная часть бизнеса.

Я рассмеялась и включила камеру. Ева увидела мое лицо слишком близко, велела отодвинуть телефон и наконец смогла рассмотреть комнату. Я переключилась на заднюю камеру

и медленно навела ее на окна, показала стол, тюльпаны, угол, где позже собиралась поставить шкаф.

— Свет хороший, — сказала она.

— Все мне это говорят.

— Потому что хороший. Фотографировать удобно будет.

— Я думала повесить несколько работ.

— Только не все сразу. И не делай коллаж из двадцати маленьких картинок. Их никто не рассматривает.

В ее голосе звучала такая знакомая деловая уверенность, что мне стало и смешно, и немного грустно. Когда-то она спрашивала, каким цветом лучше раскрасить дом. Теперь объясняла мне, как показывать собственную работу.

— Ладно. Возьму одну стену под консультацию дочери.

— Бесплатную, между прочим.

— Вот это как раз подкупает.

Ева зашла в подъезд, связь на несколько секунд пропала. Когда изображение вернулось, дочь уже была у себя дома. Сняла шарф, положила телефон на полку и продолжила говорить, пока разувалась. В бюро ей поручили подготовить часть небольшой презентации. Она волновалась, что не успеет довести изображения до приличного вида, потому что руководитель снова поменял исходные данные.

Я слушала, задавала вопросы, пару раз предложила слишком очевидное и получила терпеливое:

— Мам, я это уже сделала.

— Знаю. Просто пытаюсь быть полезной.

— Ты можешь просто послушать. Мне надо вслух пожаловаться, а потом я пойду работать.

Я кивнула. Она рассказывала быстро, перескакивая с одного на другое, и я вдруг заметила, что давно не слышала от нее такой подробной рабочей злости. Последние месяцы наши разговоры слишком часто начинались с осторожного «как ты?» и заканчивались моей попыткой доказать, что все нормально.

— А у тебя первая клиентка была? — спросила Ева, когда выговорилась.

— Сегодня. Комнату хочет переделать после отъезда сына.

— Тебе понравилась?

— Да. Характер у нее есть.

— Значит, сработаетесь.

— Это комплимент?

— Это наблюдение.

Я посмотрела на ее уставшее лицо на маленьком экране. Хотелось спросить, видела ли она отца, как он живет, появляется ли у него Яна. Я уже набрала воздуха, но Ева зевнула и потерла глаза. Я спросила, ужинала ли она.

— Приходи как-нибудь, когда будет время, — сказала я. — Не помогать. Просто посмотреть.

— В эти выходные не обещаю. У нас дедлайн в понедельник. На следующей неделе попробую.

— Хорошо.

Мы попрощались. Я выключила верхний свет, оставив настольную лампу. На экране ноутбука белела пустая схема комнаты. Я подвинула стол, попробовала другой шкаф, убрала лишний выступ. На это ушло больше часа. Работа была знакомой, и в какой-то момент я перестала следить за тем, насколько хорошо справляюсь одна.

Телефон коротко завибрировал. Виктор прислал время пятничного вечера в обсерватории и добавил: «Если небо будет чистым, обещают показать не только потолок».

Я ответила: «После корабля я готова к любому развитию событий».

Он прислал смеющийся значок. Я посмотрела на него и снова вернулась к чертежу. Впервые за несколько месяцев работа не помогала мне забыться. Она просто была моей работой, а впереди оставался вечер, которого хотелось дождаться.

Глава 6. После закрытия

К пятнице я успела съездить к Зое Николаевне, убедиться, что результаты ее замеров расходятся с моими совсем немного, и дважды переставить стол в студии. Первый вариант оказался удобным на рисунке, второй — в жизни. На втором варианте и остановилась: теперь можно было пройти к окну, не цепляясь за стул.

Вечером я собралась закрыть ноутбук раньше, чем хотелось. На экране оставался недоделанный набросок, и рука сама потянулась открыть еще один файл. Я убрала ее от мыши, посмотрела на часы, закрыла ноутбук и пошла за пальто.

Виктор ждал у старого здания с круглой башней. Внизу еще горели окна учебных классов, но основная дверь была закрыта. Возле бокового входа собралась небольшая группа: двое студентов, мужчина с подростком, женщина в длинном пуховике и мы. На двери висело объявление о вечернем посещении. Я заранее прочитала его три раза, проверяя, не перепутали ли мы время.

— Здесь всегда так тихо? — спросила я.

— Не знаю. Я последний раз зимой приходил.

— Один?

— С Кирой. Она хотела фотографию на фоне купола. Купол получился лучше нас.

Он показал мне снимок на телефоне. На нем действительно главным был темный круглый верх башни, а Виктор с дочерью стояли внизу маленькими и слегка размытыми. Кира смеялась, запрокинув голову. Я увидела сходство в линии бровей, в привычке прищуриваться.

— Хорошая фотография.

— Она сказала, что я опять двинулся.

— Ты и двинулся.

— Все против меня.

Дверь открылась, нас пригласили внутрь. Сотрудник проверил билеты, попросил не отставать и повел по узкой лестнице. Виктор пропустил меня вперед. Я поднималась, держась за холодные перила, и смотрела на его тень на стене. В детстве мне казалось, что такие лестницы обязательно ведут к чему-нибудь тайному. Теперь там, скорее всего, должны были быть аппаратура, инструкции и человек, который в конце вечера проверяет, все ли выключили. Это не мешало предвкушению.

В небольшом помещении под куполом было прохладно. Сотрудник рассказал, как устроен телескоп, показал, куда можно встать, а к чему лучше не прикасаться. Я слушала внимательно, потому что очень не хотела оказаться женщиной, которая ломает сложную вещь, пытаясь получше посмотреть.

Виктор наклонился ко мне:

— Я в первый раз тоже руки за спиной держал.

— А потом?

— Потом мне объяснили, что можно просто опустить.

Я посмотрела на него и поняла, что действительно стою, сцепив пальцы за спиной. Мы оба тихо засмеялись.

В куполе открылась узкая полоса неба. Мне сразу захотелось увидеть в ней что-нибудь необыкновенное, но там были только темнота и несколько светлых точек. Сотрудник что-то настроил, пригласил нас подходить по одному. Подросток первым прижался к окуляру и удивленно выдохнул. Его отец попытался спросить, что там, но мальчик только махнул рукой: подожди.

Когда подошла моя очередь, я несколько секунд вообще ничего не видела. То ли стояла слишком далеко, то ли слишком старалась. Я отступила, снова наклонилась, и вдруг в тем-

ном круге появилась освещенная часть Луны. Не гладкий белый рисунок, который я привыкла замечать над домами, а неровная поверхность, с темными впадинами и резкой границей света.

— Видно? — спросил сотрудник.

— Да.

Больше я ничего не сказала. Хотелось успеть рассмотреть эти темные впадины, пока следующий посетитель ждал за спиной.

Виктор ждал рядом, не торопил. Я выпрямилась, уступила место и вдруг захотела увидеть его лицо в тот момент, когда он посмотрит. Он наклонился, долго молчал, потом сказал:

— Каждый раз как первый.

Он еще немного постоял у окуляра. Кажется, про меня на секунду забыл.

Потом сотрудник отвечал на вопросы, показывал на схеме то, что мы увидели. Студенты спрашивали о снимках, мужчина с подростком спорили, куда лучше поставить домашний телескоп, если вокруг высокие дома. Я спросила, можно ли приходить в разные месяцы и видеть что-то новое. Мне объяснили, что программы меняются, а погода иногда отменяет все планы быстрее любых организаторов.

Виктор попытался назвать созвездие на карте звездного неба и ошибся. Сотрудник спокойно поправил его. Я посмотрела на Виктора; он пожал плечами и улыбнулся.

— Предупреждал, что путаюсь.

Я улыбнулась ему. Он уже снова слушал сотрудника, следя за его указкой по карте.

На улице стало холоднее. Мы застегнули пальто и пошли к остановке. Было еще не поздно, но город уже сменил рабочий шум на редкие голоса и стук шин по мокрой дороге. У киоска возле сквера светилось маленькое окно. Я предложила взять чай с собой, Виктор согласился. Мы купили по стакану и сели на сухую часть скамейки под навесом.

— Тебе понравилось? — спросил он.

— Очень. Я только не ожидала, что буду так долго смотреть. Казалось, ну Луна и Луна.

— Мне тоже когда-то казалось.

Я согрела ладони, обхватив стакан. Виктор сидел рядом, поставив свой на край скамейки, и смотрел на небо между ветками. Сбоку его лицо казалось строже, чем в разговоре. Мне хотелось дотронуться до его щеки, провести пальцами по коротким волосам у виска. Я испугалась этой мысли не потому, что она была неприличной, а потому, что она возникла так просто.

— Ты после развода тоже долго все делал впервые? — спросила я.

Он повернулся ко мне.

— В каком смысле?

— Первый раз один пошел туда, где раньше были вдвоем. Первый раз купил что-то, ни с кем не посоветовавшись. Первый раз понял, что выходной целиком твой, и не обрадовался.

Виктор взял стакан, посмотрел на пластиковую крышку.

— Да. Только я сначала думал, что свобода будет проще. У нас последние годы все шло тяжело. Я представлял: разъедемся, перестанем ссориться, станет спокойно. Спокойно стало. Хорошо — не сразу.

— Почему вы разошлись?

Он выдохнул, но не отвел взгляда.

— Мы слишком долго не разговаривали нормально. Я умел откладывать любой неприятный вопрос. Устал, завтра, не сейчас. Думал, если не спорим, значит, все более-менее. А она, оказывается, уже одна решала, как жить дальше.

— Ты хотел вернуть?

— Сначала хотел вернуть привычное. Это не совсем одно и то же.

Он провел большим пальцем по краю крышки. Последние слова дались ему труднее, чем рассказ о пустой квартире.

— Мы оба много чего сказали лишнего, — добавил он. — Сейчас можем спокойно разговаривать. Но обратно никто не хочет.

Я кивнула и поставила свой стакан рядом с собой, оставив между нами место.

— А ты? — тихо спросил он.

Я посмотрела на чай, темневший в отверстии крышки.

— Я в ноябре спросила Олега про Яну. Он не стал отрицать. Сказал, что давно собирался поговорить.

Виктор молчал.

— Самое унизительное было не это, — продолжила я. — А то, как быстро я начала вспоминать. Вот мы были у друзей, вот ездили выбирать диван, вот он звонил из машины. Я проверяла собственную жизнь задним числом. Хотела понять, где именно она стала чужой.

Я остановилась. Не хотелось весь вечер раскладывать перед ним обломки брака. Но он не смотрел на часы, не подбирал ободряющую фразу, и слова полились сами собой.

— Я ведь не собиралась в сорок пять заново искать комнату под работу. Мы планировали расширяться. У меня были проекты. Хорошие. И он тоже в этом был. Теперь иногда злюсь даже на то, что это действительно было хорошо.

— Хорошее не становится ненастоящим из-за того, что он сделал потом, — сказал Виктор. — Но я понимаю, почему трудно отделить.

Я повернулась к нему.

— Ты знал?

Вопрос вырвался резко. Я увидела, как он напрягся.

— Про Яну? Нет.

— Совсем?

— Нет, Оксана. Я с Олегом работаю. Мы не обсуждаем его личную жизнь. Когда вы разъехались, я узнал уже от людей в офисе. Подробностей не спрашивал.

Мне стало стыдно за то, как я смотрела на него, пытаясь поймать запоздалую реакцию. Он ничего не сделал, чтобы заслужить этот взгляд.

— Прости.

— Ты хотела знать. Я ответил.

— Все равно прости. Я иногда спрашиваю так, будто человек уже виноват.

Он кивнул, принимая это, и не стал делать вид, что не заметил.

Некоторое время мы сидели молча. Я допила чай, смяла пустой стакан и отнесла его в урну. Когда вернулась, Виктор сдвинулся, освобождая мне сухое место. Я села чуть ближе, чем раньше. Наши плечи соприкоснулись через пальто. Он не отодвинулся.

— Не хочу, чтобы все наши разговоры были про тех, с кем мы развелись, — сказала я.

— Я тоже.

— Но иногда, наверное, будут.

— Наверное.

Я улыбнулась и смахнула с пальто упавшую с навеса каплю. Стало легче дышать; кажется, все это время я ждала, что он скажет: хватит об Олеге.

Мы пошли к остановке. Моя машина в этот раз осталась дома: я решила не кружить по узким улицам возле башни. Виктор проводил меня до нужного автобуса. Пока мы ждали, я смотрела на его руку, лежащую на перилах ограждения. Потом положила свою рядом. Не поверх, просто рядом, так близко, что пальцы почти касались.

Он опустил взгляд и медленно повернул ладонь. Я вложила в нее свою руку.

Ничего особенно торжественного не произошло. Мимо прошла женщина с пакетом, у светофора остановилось такси, на табло сменились цифры. Виктор держал мою руку, и я вдруг перестала думать, правильно ли выгляжу, не слишком ли быстро все происходит и что сказала бы Ева, если бы увидела нас сейчас.

Автобус подошел через три минуты. Мне впервые за долгое время хотелось, чтобы городской транспорт опоздал.

— Увидимся? — спросил Виктор.

— Да.

Я отпустила его руку только перед дверью. Уже сев у окна, посмотрела наружу. Он стоял на остановке и ждал, пока автобус тронется. Я подняла ладонь. Он ответил тем же, без улыбки на весь мир, спокойно и тепло.

Дома я сняла пальто, повесила его на крючок и долго не включала свет в комнате. Из окна было видно маленький кусок неба между соседними домами. Я знала, что там не стало больше звезд. Просто сегодня мне захотелось на них посмотреть.

Глава 7. Рядом

В субботу Виктор позвонил около полудня и спросил, не хочу ли я выбраться в старый парк. Там открыли небольшую выставку городских фотографий, а он собирался посмотреть, попал ли в нее дом, где жил в детстве.

— Только честно, — сказал он. — Если тебе это скучно, можно придумать другое.

— После нашего фильма ты решил все согласовывать заранее?

— Делаю выводы.

— Хочу. Но у меня к двум встреча со Светланой. Она обещала показать, куда можно крепить табличку.

— Тогда после трех?

— Давай.

Я положила телефон и несколько секунд улыбалась сама себе. Потом заметила отражение в темном экране ноутбука и смутилась, хотя смотреть на меня было некому.

Светлана пришла с шурупами и рулеткой, мы быстро решили вопрос с рамкой возле двери. Я сама закрепила в ней временную распечатку: имя, фамилия, ниже — «дизайн мебели и интерьеров». Получилось просто. Светлана отступила на два шага, прищурилась и сказала, что из коридора читается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.